

ЭКОНОМИКА ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ «ЗНАНИЙ»

А.В.Юревич

Ренессанс паранауки¹

Проблема взаимоотношений науки и паранауки неожиданно встала с новой остротой в начале XXI в., когда человечество, окружив себя компьютерами и другими техническими изобретениями, преобразовав свой быт *на основе научного знания*, казалось бы, давно оставило в прошлом всевозможные формы мракобесия.

Паранаука переживает подлинный ренессанс, причем и в тех культурах, которые всегда характеризовались рациональностью и прагматизмом, в связи с чем уместно вспомнить мысль философов о том, что развитие цивилизации не исключает возврата к варварству, «варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации» [1, с. 68]. В конце 70-х гг. прошлого века К. Саган писал: «Сейчас на Западе (но не на Востоке) наблюдается возрождающийся интерес к туманным, анекдотичным, а иногда и подчеркнuto ложным доктринам, которые, если бы были правдивыми, создали бы более интересную картину вселенной, но, будучи ложными, выражают интеллектуальную неаккуратность, отсутствие здравого смысла и траты энергии в ненужных направлениях» [2, р. 247]. Образцы подобных доктрин, перечисляемые К. Саганом: астрология, учение об аурах, парапсихология, мистицизм и т. п. По его мнению, их популярность выражает активность наиболее примитивных – лимбических – структур мозга, находящую выражение в «стремлении заменить эксперименты желаниями» [Ibid., р. 248]. В конце 80-х гг. в цитадели Силиконовой долины – в штате Калифорния – профессиональных астрологов было больше, чем профессиональных физиков [3]. А в 1990-е гг. астрологические прогнозы печатали 90 % американских газет, в то время как материалы, посвященные науке и технике – лишь 10 % [там же].

Паранаука нашла благодатную почву и в современной России. А. Г. Ваганов констатирует, что сейчас «удельный, если так можно сказать, уровень «мракобесия», что в США, что в ЕС, что в России, примерно одинаковый» [4, с. 6]. Вместе с тем справедливо отмечается, что «псевдонаука всех мастей широко распространена и на Западе, но там ей противостоят хорошо организованная научная общественность и активная пропаганда достижений реальной науки в средствах массовой информации» [5, с. 9]. Т. е. разница между «уровнем мракобесия» современного российского и западного общества все же есть, и она не в нашу пользу. По данным Всемирной организации здравоохранения, в современной России насчитывается около 800 тыс. астрологов, экстрасенсов, колдунов, прорицателей и прочей подобной публики, денежный оборот которой, по подсчетам депутатов ГД, составляет порядка 2 млрд. долл. в год, причем есть основания полагать, что эта сумма занижена.

Проведенный в 1992 г. в Петербурге опрос продемонстрировал, что 36% жителей этого города верили в астрологию, 43% - в сглаз, 12,7% - в полтергейст, 8,2% - в магию, причем легковерие² оказалось в наибольшей степени свойственным не старушкам, а молодежи, в среде которой обнаружило и гендерную специфику: например, девушки чаще юношей верили в астрологию, а юноши чаще девушек – в уфологию [6]. В 2000-е гг. уже

¹ В настоящей статье термины «паранаука», «лженаука», «эзотерика» и др. используются как синонимы, хотя их строгий смысл несколько различается.

² Подчеркнем, что это легковерие имеет мало общего с религиозной верой и, более того, отмечаются реципрокные отношения между ними. В. Е. Семенов, например, пишет, что «вера подменяется суевериями как проявлениями повышенной мистификации обыденного сознания в кризисных условиях социума, осложненных религиозным и атеистическим невежеством прошедших десятилетий» [6, с. 156]. А опросы демонстрируют, что верящие во всевозможную чертовщину в Бога, как правило, не верят.

приводились данные о том, что в уфологические, астрологические, паранормальные мифологемы верит около 80 % россиян [4]. В 2010 г. опрос «Левада-Центра» опрос показал, что к эзотерикам когда-либо обращались 20 % наших сограждан, в то время как к профессиональным психологам – лишь 10 %. На нашем телевидении практически отсутствуют программы, посвященные науке, зато существует множество программ, посвященных экстрасенсам, магам, астрологам, один из которых недавно заявил, что «сейчас важнейшей из всех наук является астрология». Наши газеты пестрят рекламой соответствующих услуг: «сниму порчу», «приворожу любовника», «верну мужа за полчаса». В книжных магазинах напротив секций философской или социологической литературы располагаются секции литературы астрологической. И даже когда читаешь такое уважаемое издание, как «Аргументы и факты», возникает впечатление, что наука вообще не нужна: достаточно отправить на Тибет экспедицию т. н. «профессора Мулдашева», который найдет там и пришельцев из Космоса, и Снежного человека, и средство для обеспечения бессмертия, и вообще все, что угодно.

Паранаука сейчас пронизывает все сферы нашей жизни, причем и те, которые традиционно считались строго рационалистическими. Например, агентство «Роспатент» выдавало патенты с такими названиями, как «Симптоматическое лечение заболеваний с помощью осинового палочки в момент новолуния для восстановления целостности энергетической оболочки организма человека» («А почему не осинового кола?» - спрашивают описывающие подобные патенты Ю. Н. Ефремов и Р. Ф. Полищук) [7, с. 108], «Устройство для энергетических воздействий с помощью фигур на плоскости, генерирующих торсионные поля», «Преобразование геопатогенных зон в благоприятные на огромных территориях путем использования минералов положительного поля», «Установление факта смерти пропавшего без вести человека по ранее принадлежавшей ему вещи» и т. п. Отмечается, что «Околонаучные шарлатаны обманывают бизнесменов и государственные предприятия, обещая им тепловые приборы с КПД 150, 300 и даже 1000 процентов! Конкретная цифра зависит от наглости «авторов», а нарушение закона сохранения энергии их не смущает» [5, с. 5]. Большое распространение получили и псевдомедицинские «энергоинформационные» приборы, например, основанные на якобы существующем феномене «памяти воды», такие как «Репринтер» - «медицинский прибор для энергоинформационного переноса» [8].

В общем, «шарахнулся народ от науки к чудесам» [9, с. 53], а «лженаука во всех своих мыслимых и немыслимых обличьях свободно гуляет по России» [5, с. 5]. Лженаука в современной России – это мощнейшая индустрия, широко использующая СМИ, имеющая прочные связи с сильными мира сего, опирающаяся на развитую систему пиара и подкрепляемая обильными финансовыми потоками. Исследователи проблемы констатируют, что «современное околонаучное шарлатанство стало системным явлением, по большей части организованным, имеющим свои фирмы, центры и даже «академии» [там же, с. 5]. В результате отнюдь не беспочвенны предостережения о том, что «сегодня лженаука – это не просто прибежище безобидных маргиналов от науки, это реальная опасность для науки, образования, и тем самым – для общества в целом» [10, с. 16], а «процветание лженауки в современной России потенциально опасно для всего мира» [11, с. 132].

Социальная шизофрения

Расцвет паранауки в нашей стране имеет, помимо интернациональных, и собственно российские причины, связанные с состоянием современного российского общества. «Это и дикий российский капитализм, у которого нет ни чести, ни совести, а лишь один только чистоган. Это и остатки советского менталитета, когда большинство людей с уважением относились к словам «наука», «ученый»; в массе своей доверяли телевидению и газетам, - а ныне средства массовой информации падки именно на лженауку. Это и мировоззренческий вакуум, образовавшийся в результате кризиса

советской идеологии, вакуум, в который пестрой толпой устремились всякого рода шарлатаны, целители, «спасители» и просто мошенники в надежде «продать» потерявшим ориентацию и уверенность в себе людям ту или иную небылицу и заведомую ложь» [5, с. 3]. Е. Б. Александров основными причинами «вакханалии лженауки в России» [10, с. 17] считает: 1) системный общественный кризис, сопровождаемый снижением престижа науки и образования, 2) массовую утрату общественных ориентиров, 3) устранение цензуры, ранее не допускавшей пропаганду религии и оккультизма, 4) рассекречивание лженаучных «изысканий», ранее проводившихся во множестве закрытых НИИ в условиях полной изоляции от мировой науки, 5) безоглядную веру в чудо, как ни странно, подогревавшуюся популяризацией достижений советской науки, 6) стремление самих ученых, потерявших некогда щедрое государственное финансирование, к приданию результатам своих исследований сенсационного характера и их распространению посредством СМИ [там же]. Е. Д. Эйдельман выделяет такие причины «появления современных псевдоученых» [12, с. 83], как: 1) гордыня, 2) плохое образование и нежелание это образование пополнить, 3) аберрацию популяризации – «восприятие простоты, да и просто ошибок популярного изложения как отражения реального состояния науки» [там же, с. 83]. Трудно не заметить и то, что «особенностью этой лженаучной эпопеи является ее выраженный коммерческий уклон, что для лженауки прошлого не слишком характерно – раньше побудительным мотивом была скорее слава, чем деньги» [там же, с. 24].

Справедливо отмечается, что «лженаука может соперничать с подлинной наукой только в двух случаях – при поддержке тоталитарного государства (как это было с лысенковщиной при Сталине или с теорией «мирового льда» при Гитлере) или при катастрофическом падении престижа науки в обществе (последнее происходит сейчас в нашей стране)» [11, с. 132]. В. Л. Гинзбург подчеркивал, что «где принижается, третируется наука, там открывается дорога лженауке» [9, с. 49], т. е. между наукой и лженаукой существуют альтернативные отношения. Он же констатировал в нашем обществе «бесправие науки и множество шлюзов, открытых для невежества и мракобесия» [там же, с. 49]. А В. Г. Федотова рассматривает равцет паранауки в более широком социальном контексте, подчеркивая, что «поражение интеллигенции на общенациональном рынке культуры и торжество здесь масс, порвавших (прямо по М. Бакунину) с «чуждой интеллигентской культурой» в период анархического порядка 90-х, на наш взгляд, сформировало социальный заказ масс на предельно упрощенные формы массовой культуры» [13, с. 796]. В этот социальный заказ паранаука вписывается куда более органично, чем наука трезвого вида, которая подчас воспринимается как форма не массовой, а «интеллигентской» культуры (отсюда – к примеру, стремление идеологов советского времени представить Т. Д. Лысенко как «народного» академика), к тому же поглощающая уйму денег.

Можно обозначить и еще ряд причин расцвета у нас паранауки и других форм мошенничества. Во-первых, общее ослабление контроля над нашими согражданами, именуемое у нас «либерализацией», создание среды, в которой мошенники всех мастей – от строителей финансовых пирамид до колдунов – чувствуют себя как рыбы в воде. Во-вторых, полное безразличие наших СМИ, особенно ориентированного исключительно на рейтинги телевидения, к достоверности сообщаемой ими информации. В-третьих, широкое прибегание к услугам эзотериков сильных мира сего, от наших политиков, до поп-звезд, как правило, имеющих весьма сомнительное образование. Наконец, в-четвертых, тот широко известный и описанный в художественной литературе («Братья Лаутензак» и др.) факт, что в «смутные» времена всегда наблюдается всплеск мистических настроений, что легко понять: когда рушатся привычные реалии, казавшиеся незыблемыми (разрушение мировой системы социализма, распад СССР), начинает казаться, что возможно абсолютно все, в т. ч. и нарушение законов физики.

Парадоксально, что и наука невольно внесла свой вклад в возрождение, казалось бы, давно побежденных ею иррациональных верований. Она породила *гипотезы* – о существовании биополей, о возможности экстрасенсорного восприятия, о влиянии космоса на организм человека, которые уверенно используются астрологами и экстрасенсами в качестве *объяснительных принципов*. Очень симптоматично, что ключевые термины паранауки – поле, энергия, информация – позаимствованы ею у науки. Как отмечает Е. Б. Александров, «традиционно базируясь на средневековых предрассудках, имея прямые корни в магии и оккультизме, лженаука немедленно берет на вооружение терминологию переднего края истинной науки, разглагольствуя о когерентности «биополей», о голографическом принципе кодирования информации «аурой», об информационном поле «кварк-глюонного конденсата», о неисчерпаемых энергетических ресурсах «физического вакуума», о полевой природе бессмертной жизни души и пр., и пр.» [10, с. 22].

Наука подала эзотерике и пример социальной организации: сообщества магов и колдунов копирует основные формы организации научного сообщества, создавая свои институты, ассоциации и академии, присваивая себе «ученые степени» докторов парапсихологии или магистров белой и черной магии. Как тут не вспомнить НИИЧАВО – Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства, блестяще и, как теперь выяснилось, прозорливо, описанный братьями Стругацкими в романе «Понедельник начинается в субботу». А, главное, именно наука своими открытиями, регулярно разрушающими привычное мировосприятие, внушила массовому сознанию, что в принципе *все возможно* – даже то, что совсем недавно казалось абсолютно нереальным. Вместе с тем наука накладывает и ограничения на область возможного, например, с помощью таких законов, как закон сохранения энергии, которые т. н. «энерготерапевты» предпочитают игнорировать. Кредо паранауки, напротив, – «возможно абсолютно все». В этом состоит одна из причин ее привлекательности для обывателя, в особенности воспитанного на псевдолиберальной идеологии и не приемлющего каких-либо запретов. Научная деятельность предполагает определенные нормы [14; и др], а, стало быть, и запреты на то, что является их нарушением. Паранаука, хотя и имитирует некоторые приемы научного познания, абсолютно свободна в выборе его «средств», чем тоже намного удобнее личностям, не желающим соблюдать какие-либо правила, а свободу понимающим как отсутствие ограничений.

Стоит обозначить и еще одну причину ренессанса паранауки, сколь специфическую, столь и характерную для современной России. Наше Министерство образования и науки, у которого с начала 1990-х гг. значительная доля энергии уходит на борьбу с РАН, почему-то видит основное препятствие развитию отечественной науки не в лженауке, а в этой Академии. В то же время оно располагает немалыми возможностями борьбы с лженаукой, однако то, что в былые годы именовалось «выработкой научного мировоззрения», явно не входит в приоритеты Министерства – в отличие от борьбы с РАН, у которой, конечно, есть недостатки, но они несопоставимы с вредом, наносимым нашему обществу лженаукой.

Еще труднее понять позицию в отношении эзотерики нашей государственной власти. Если оккультные явления действительно существуют, – вообразим такое как чисто логическую возможность, если возможно насыщать порчу, зомбировать людей и т. д., то власти необходимо поставить под контроль личностей, обладающих соответствующими способностями, скажем, Государственной Думе надлежит принять закон «О защите населения от порчи и сглаза». (В таком случае, возможно, следовало бы пересмотреть и отношение к средневековой инквизиции как охотившейся на *реальных*, а не мифических ведьм). Если же все это вымысел, то соответствующие люди – просто мошенники, и к ним надлежит применять – повсеместно, а не выборочно – статью о мошенничестве УК. Однако власть предпочитает вообще не реагировать на это явление, относя его к тем многочисленным теневым сферам нашей жизни, в которые не стоит вмешиваться.

Впрочем, если учесть, что людям, которые верят в колдунов и нечистую силу, можно внушить что угодно, и ими легче *манипулировать*, нежели носителями рационалистического сознания, то нейтральное, а то и благосклонное отношение властвующей элиты к эзотерике становится понятным. Трудно не заметить и то, что некоторые отечественные политики и бизнесмены имеют с колдунами много общего.

При этом в нашей стране наука целенаправленно отстраняется, в том числе и ее конкуренткой – лженаукой – от выполнения своей *мировоззренческой и экспертной* функций, в частности, решения вопросов о том, что возможно, а что нет, существуют ли, например, телепортация, левитация или экстрасенсорное восприятие. Скажем, в телепередаче «Битва экстрасенсов» диагностика экстрасенсорных способностей осуществляется пестрой компанией телеведущих, звезд шоу-бизнеса, фокусников и т. п., явно не являющихся специалистами по соответствующим проблемам, в то время как классические исследования ЭСВ выполнялись в США профессиональными психологами с использованием подводных лодок – дабы исключить все прочие каналы передачи информации [см. 15]. Подобный подход – воинствующая некомпетентность, обращение далеких от науки и некомпетентных людей к проблемам, которые могут быть решены только учеными, стал очень характерным для современной России.

Следует отметить и то, что в быту эзотерики широко используют достижения рациональной науки и вообще проявляют себя как полные материалисты. Это выражается не только в их повышенном интересе к деньгам (мага или колдуна, оказывающего оккультные услуги бесплатно, трудно себе представить), но и в том, что они окружают себя предметами, воплощающими собой достижения науки, - ездят на автомобилях, летают на самолетах, пользуются компьютерами, выступают по телевидению, а не общаются экстрасенсорным путем и не перемещаются в пространстве с помощью левитации или телепортации. Подобные парадоксы проявляются и в деятельности наших СМИ: например, по телевидению, созданному на основе физического знания, показывают астрологов и экстрасенсов, а физиков, наоборот, не показывают. Аналогичные противоречия воспроизводятся, в терминах психологической науки, в выраженном «когнитивном диссонансе» всего нашего общества, в котором школьное образование строится на основе вполне материалистических учебников, а массовое сознание напичкано паранаучными мифологемами. Например, в школе наших детей учат, что средневековая инквизиция сжигала на кострах невинных людей по обвинению в колдовстве, что было абсурдным, поскольку колдунов не существует, а, придя домой, эти дети включают телевизор, по которому им показывают ... ведьму или колдуна. Такое состояние общества некоторые психиатры называют массовой шизофренией. Согласны с ними и психологи, констатирующие, что «сознание общества становится плюралистически-хаотическим, проявляя симптомы социальной шизофрении» [6, с. 137].

Толерантное отношение к паранауке науке дорого стоит нашему обществу, причем в прямом, т. е. в денежном, смысле слова. В нынешней России вышеупомянутые 800 тысяч эзотериков поглощают обильные финансовые потоки, которые могли бы питать науку и базирующуюся на ней инновационную практику. Для сравнения: в современной России медиков насчитывается 620 тыс., а ученых – около 400 тыс., т. е. эзотериков почти столько же, сколько врачей и ученых вместе взятых. А опросы показывают, что даже среди студентов наших вузов, где сосредоточена отнюдь не самая малообразованная часть населения, примерно треть не знают, Солнце вращается вокруг Земли или она вокруг Солнца [16]. И на этом фоне настойчиво провозглашается курс на создание экономики знаний. Возникает вопрос: экономики *каких* «знаний» – эзотерических?

Пограничная «территория»

Если в социальном - отношении общества к науке и др. - контексте от ренессанса паранауки страдает вся наука, то *когнитивное* воздействие первой зависит от особенностей той или иной научной дисциплины. В этом плане особое положение

занимает такая наука, как психология, оказавшаяся на «пограничной территории» между наукой и паранаукой. История науки свидетельствует о том, что паранаука, как правило, паразитирует на, в терминах Т. Куна, допарадигмальных научных дисциплинах, которые еще не достигли достаточного уровня развития знания, а, значит, не прочертили четких границ, отделяющих его от псевдо- и пара- “знания”. В результате закономерны и возникновение таких экзотических гибридов, как недавно заявившая о себе астропсихология (гибрид психологии и астрологии), тот факт, что эзотерики очень любят объявлять себя психологами, присваивая себе, наряду со «званиями» магистров белой и черной магии, «ученую степень» доктора парапсихологии, неразличение большей частью наших сограждан истинных психологов с парапсихологами и экстрасенсами.³

Различные научные дисциплины в разной степени защищены от экспансии паранаучных представлений, и эта защищенность естественным образом коррелирует со степенью их “твердости” (в науковедческом смысле слова, предполагающем разделение всех наук на “твердые” - естественные и технические, и “мягкие” - социальные и гуманитарные), наличием единой парадигмы, разделяемых всем дисциплинарным сообществом критериев адекватности знания и т. д. Справедливо отмечается, что необходимые и достаточные признаки истинности и ложности научных открытий особенно четко формулируются в области точных наук, в частности, в физике [10], что, впрочем, и здесь не создает непреодолимых препятствий эзотерике. А к наименее защищенным в данном плане дисциплинам принадлежат такие науки, как психология, не обладающие сколь-либо устоявшейся системой дисциплинарного знания, общеразделяемыми основаниями его построения и способами проверки [17]. Это создает благоприятные возможности для встраивания паранаучных представлений - подобно тому, как внутренняя нестабильность государств создает благоприятные условия для внешних вторжений.

Когнитивная незащищенность психологии от внешних воздействий дополняется ее социальной незащищенностью, отсутствием у психологического сообщества сколь-либо четких границ (сейчас кто только не объявляет себя психологом) и барьеров для “чужаков”. В последние годы, например, отечественное психологическое сообщество становилось для них все более проницаемым, чему имелись три основные причины. Во-первых, девальвация психологического образования, появление наряду с “настоящим”, получаемым посредством пятилетнего обучения в каком-либо вузе (правда, некоторые появившиеся у нас в последние годы вузы тоже трудно назвать “настоящими”), его суррогатами, распространяемыми “сокращенными” психологическими курсами, которые нередко создаются теми, кто сам закончил подобные курсы, а, значит, тоже не имеет подлинного психологического образования. Во-вторых, неорганизованность психологического сообщества, его разобщенность на академических и практических психологов и прочие мало пересекающиеся между собой страты, отсутствие реально интегрирующих его организаций, способных выставить барьеры дилетантам и шарлатанам. В-третьих, пребывание всего нашего общества в состоянии характерной для переходных времен социально-статусной анархии, выражающейся, в частности, в том, что сейчас любой гражданин имеет право создать собственную научную ассоциацию или академию вне зависимости от того, является ли он ученым и вообще умеет ли читать и писать. В подобных условиях любое дисциплинарное сообщество проницаемо для «чужаков», но психологическое сообщество, в силу сочетания данного обстоятельства с другими, вышеизложенными, находится в наиболее незащищенном положении.

Существует и ряд особых обстоятельств, связанных со спецификой развиваемых в психологии исследовательских областей и делающих ее особо привлекательной для паранауки. На «территории» психологии последняя являет себя главным образом в виде парапсихологии, которая характеризуется как «вечнозеленое» направление в лженауке,

³ Справедливости ради надо отметить, что они, как правило, не различают также психологов, психиатров, психотерапевтов, психоаналитиков и т. д., что в значительной мере характерно и для других стран [18].

связанное с «таинственными» явлениями психики и объединяющее «медиумизм», «ясновидение», «телепатию», «телекинез», «телепортацию», «левитацию» и пр. [10]. Среди таких явлений следует упомянуть прежде всего исследования экстрасенсорного восприятия, которые, будучи выполненными на строго научной основе, так и не дали однозначного ответа на вопрос о том, существует ЭСВ или нет [см.: 15; и др.]. Отсутствие однозначного, а, значит, и отрицательного ответа паранаука, а вместе с ней и массовое сознание, расценивают как ответ положительный (тот самый упомянутый выше случай, когда выдвинутые наукой *гипотезы* паранаука трансформирует в доказанные истины и даже в объяснительные принципы). В данной связи Е. Д. Эйдельман подмечает и такую тенденцию: «сравнение, толкование, *само наименование предмета или явления фетишизируется, воспринимается лжеучеными как нечто реальное, например, имя – как реальная часть именуемого*. Таковы термины «торсионное поле», «аура», «биополе» ...» [12, с. 81]. Аналогичная участь постигла и многие другие понятия, используемые психологами.

Такие области исследования, как изучение ЭСВ, являются пограничными между наукой и паранаукой и поэтому служат одним из главных каналов проникновения паранауки на «территорию» психологии. Причины привлекательности этой области для паранауки как минимум две. Во-первых, она очень интересна для обывателя, многократно обыграна в научно-фантастических романах и кинофильмах. В результате, когда эзотерики подвизаются в этой области, они приобретают прекрасные возможности попасть в фокус общественных интересов, а, следовательно, оказаться и в эпицентре финансовых потоков. Во-вторых, отсутствие однозначного ответа научной психологии на вопрос о том, возможно или невозможно ЭСВ, открывает широкий простор для легитимизации деятельности экстрасенсов. При этом многие материалистически настроенные люди тоже начинают верить в ЭСВ, во-видимому, поддаваясь не прямому влиянию паранауки, а воздействию СМИ, которые вносят немалый вклад в распространение этой веры.

В современной западной и отечественной психологической практике существует и мода на порождения традиционной восточной науки, такие как представления об ауре, чакрах и др. Даже получившие традиционное психологическое или медицинской образование психотерапевты часто прибегают к этим представлениям, используя их наряду со знанием официальной медицины и психологии. В таких случаях проследить грань между наукой и паранаукой бывает очень сложно, поскольку в этой практике они перемешаны. Сказывается и то хорошо известное в психологии обстоятельство, что достаточно эффективной может быть и практика, основанная на ложных воззрениях, ибо они тоже способны иметь терапевтический эффект – если пациент в них верит. В этой связи следует отметить, что, как подчеркивает известный социолог науки М. Малки, «большая часть (если не все) систем знания дала успешные практические применения – даже такие системы, как вавилонская мифологическая астрономия, общие принципы которой мы теперь считаем явно ложными» [19, с. 103]. М. Малки, а также М. Бунге и другие науковеды подчеркивают, что теории «проверяются только в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке» [там же, с. 107], сама по себе практика не является критерием истины, и никакого другого способа проверки адекватности знания кроме научных исследований не существует.

Данное обстоятельство приобретает особую актуальность в связи с тем, что наши сограждане сейчас очень склонны претендовать на компетентность в тех областях, в которых компетентна лишь наука, причем чем ниже уровень их знаний и образования, тем увереннее они это делают. Например, многие из них убеждены в существовании колдунов, ЭСВ и т. п., источниками их уверенности служат их ощущения, телевизионные передачи, газеты, соседи, а позиция науки по данным вопросам лишена для них авторитетности. Некоторые имеют личный опыт обращения к экстрасенсам и искренне убеждены, что им «стало лучше», не считаясь с тем, что констатировать улучшение

физического или психологического состояния пациента могут только профессиональный врач или психолог, но не сам пациент, к тому же если он не знаком с такими феноменами, как «эффект плацебо», «эффект голого короля» и др. Например, обратившийся к экстрасенсу или колдуну может ощутить улучшение своего состояния в силу самовнушения или нежелания признать, что истратил деньги впустую. К тому же среди 20 % наших сограждан, по данным «Левада-Центра» когда-либо обращавшихся к эзотерикам, есть немало людей, которые видят в них последнюю надежду, и, дабы ее не терять, готовы внушить себе что угодно. Подчеркнем и то, что вообще в современной российской обществе утверждается специфическое понимание *истины* – как того, во что верит обыватель, что провозглашено политиками или доказано юристами, а не учеными.

Следует подчеркнуть и то, что термин «паранаука»⁴ в его современном понимании, которое охватывает деятельность хиромантов, колдунов и иже с ними, представляется неудачным. Возможно, все это пара-, но не наука. Паранаука в ее нынешнем виде требует другого и, возможно, менее уважительного обозначения, не содержащего даже намеков на сходство с наукой. «Никакой официальной (добавим – и неофициальной – А. Ю.) науки не существует, есть только наука и не-наука» [5, с. 9]. При этом всевозможная эзотерика столь влиятельна в нашем обществе, что при выработке государственной научной политики ее нельзя не замечать или игнорировать. Эта политика должна включать рационализацию массового сознания и «расчистку дороги» науке в виде устранения конкуренции со стороны эзотерики. Попытка же построения экономики знаний в стране экстрасенсов и колдунов выглядит как очередная российская нелепость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.
2. Sagan K. The Dragons of Eden. N. Y., 1977.
3. Филатов В. П. Научное познание и мир человека. М., 1989.
4. Ваганов А. Г. Научно-популярная литература и престиж науки в обществе // Наука. Инновации. Образование. М., 2007, с. 55—73.
5. В защиту науки. Альманах. Вып. 1. Предисловие. М., 2006, с. 3-10.
6. Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. С.-Пб., 2008.
7. Ефремов Ю. Н., Полищук Р. Ф. Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 105-110.
8. Шуйкин Н. Н., Базян А. С. Патентный закон РФ способствует распространению «энергоинформационной терапии» // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 144-150.
9. Назад, в пещеры, можно вернуться и с карманным компьютером. Интервью с В. Л. Гинзбургом // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 48-55.
10. Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 14-29.
11. Ефремов Ю. Н. Естествознание и квазифилософия // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 122-137.
12. Эйдельман Е. Д. Псевдоученые под микроскопом науки // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006, с. 68-84.
13. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Философия, наука, культура / Под ред. В. А. Лекторского. М., 2008, с. 786-798.

⁴ Отметим, что первоначально термин «паранаука» означал изучение непонятных и нетрадиционных для научного изучения явлений средствами *самой науки*. Например, научное изучение возможности экстрасенсорного восприятия профессиональными психологами. Но в дальнейшем смысл этого термина претерпел эрозию.

14. Merton R. The sociology of science: Theoretical and empirical investigation. Chicago, 1973.
15. Хензел Ч. Парапсихология. М., 1974.
16. Язев С. А., Комарова Е. С. Уровень астрономических знаний в обществе // В защиту науки. Бюллетень. М.: Наука, 2009, N 6, с. 119-132.
17. Юревич А. В. Психология и методология. М., 2005.
18. Rosenzweig M. R. What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. M.R. Rosenzweig (Ed.) Washington, DC: American Psychological Association, 1992.
19. Малки М. Знание и полезность: импликация для социологии знания // Знание: собственность и власть / Под ред. В. А. Садовниченко. М., 2010, с. 91-111.